

Ксенофонт Полевой

**Записки о жизни и
сочинениях Н. А. Полевого**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К86

К86 **Ксенофонт Полевой**
Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого: Часть 1 / Ксенофонт Полевой –
М.: Книга по Требованию, 2020. – 247 с.

ISBN 978-5-518-07574-0

ISBN 978-5-518-07574-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАПИСКИ

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ Н. А. ПОЛЕВАГО.

Немногіе изъ Русскихъ, посвятившихъ свою жизнь литературной дѣятельности, приобрѣли такую общую извѣстность какъ Николай Алексѣевичъ Полевой. Съ удивленіемъ встрѣчаю людей, далекихъ отъ всего книжнаго—повторяющихъ знакомое имъ имя Н. А. Полеваго; встрѣчаю то же имя и въ чужеземныхъ книгахъ, гдѣ, говоря о Русской Литературѣ, или даже объ умственной дѣятельности Русскихъ, непременно упоминаютъ о Н. А. Полевомъ. Это неоспорно доказываетъ, что онъ оставилъ послѣ себя яркій слѣдъ въ Русской Литературѣ; но, по неизбежной судьбѣ всѣхъ слишкомъ извѣстныхъ людей, онъ былъ и остается предметомъ самыхъ различныхъ сужденій. Многіе писали и пишутъ о немъ; никто еще не объяснилъ, чѣмъ обратилъ на себя общее вниманіе Н. А. Полевой? Почему онъ, не геніальный поэтъ, не геніальный прозаикъ, не философъ-преобразователь, заставляетъ и послѣ смерти своей говорить о себѣ, и остается предметомъ жаркихъ похвалъ, а иногда и ожесточенныхъ осужденій? Въ чемъ, наконецъ, состоитъ заслуга его, потому что не можетъ же быть, чтобы при такомъ сильномъ и общемъ впечатлѣніи, какое произвела литературная жизнь его, онъ не оказалъ достопамятной, по крайней мѣрѣ значительной услуги своему

отечеству? Отвѣта на эти вопросы нѣтъ въ біографіяхъ и безчисленныхъ сужденіяхъ, гдѣ старались изобразить и оцѣнить Н. А. Полеваго пріатели и непріатели его. Вообще, немногіе говорили о немъ безпристрастно; оцѣнь немногіе говорили благоразумно и съ такимъ чувствомъ, какого достойнъ человѣкъ необыкновенный. Я укажу далѣе на эти благородныя исключенія изъ грѣшной и пристрастной болтовни литературныхъ судей моего брата. Высказываю такое мнѣніе безъ страсти, не увлекаюсь уваженіемъ и любовью, которыя сохраняю къ нему и послѣ его смерти. Скажу, можетъ быть, неожиданное читателемъ: я извиняю—съ немногими исключениями—всѣхъ, даже враговъ Н. А. Полеваго! Они судили о немъ не зная его, и виноваты передъ его памятью всего больше въ томъ, что рѣшились писать и судить о человѣкѣ, котораго знали слишкомъ одно-сторонне... Онъ самъ никогда не заботился исправить многія ложныя мнѣнія, какія распространились о немъ еще во время его жизни... Теперь, уже много лѣтъ покоится въ могилѣ прахъ его... Періодъ тоски, которая, кажется, никогда не оставляетъ насъ при воспоминаніи о миломъ, навсегда оставившемъ насъ человѣкѣ, не миновался для меня; но я уже могу говорить о Николаѣ Александровичѣ Полесомъ. Могу и буду говорить о немъ, потому что почитаю это своею обязанностью. Онъ былъ мнѣ братъ и другъ. Эти названія важны для меня передъ публикою только въ томъ отношеніи, что она можетъ вѣрить моему разсказу. Никто лучше меня не зналъ Н. А. Полеваго. Во всю жизнь его были мы соединены

не только ближайшимъ кровнымъ родствомъ, но и самою нѣжною дружбою, которая началась съ дѣтскихъ лѣтъ, продолжалась во всѣ годы юности и мужества, и окончилась только его смертию. Дружба наша была скрѣплена и одинакими склонностями и многими общими занятіями и трудами. До послѣднихъ годовъ его жизни, покуда мы оставались въ одномъ городѣ и большею частію подъ одною кровлею—почти не было мысли, разумѣется, выходящей изъ круга ежедневныхъ житейскихъ пошлостей, которой не передавали бы мы другъ другу. Кто же больше меня имѣетъ средствъ представить этого необыкновеннаго человѣка въ истинномъ видѣ? По моему убѣжденію, возможность говорить о немъ вѣрнѣе другихъ составляетъ мою обязанность, которую долженъ я исполнить. Я долженъ исполнить ее изъ уваженія къ памяти брата и друга, изображаемаго до сихъ поръ почти всегда невѣрно. Я обязанъ передать соотечественникамъ многія свѣдѣнія о его жизни и его литературной дѣятельности, которыя поясняютъ одна другую. Это сдѣлалось даже необходимо послѣ пѣкаторыхъ, напечатанныхъ о немъ въ послѣднее время сужденій. Если Богъ благословитъ мое доброе намѣреніе, то соотечественники узнаютъ вполне человѣка, истощившаго всю свою жизнь въ трудахъ, одушевленныхъ глубокимъ желаніемъ добра и просвѣщенія нашему отечеству.

Довольно рѣдкая случайность въ обязанности біографа, что, прежде всего, я долженъ оспаривать того, о комъ начинаю говорить.

Н. А. Полевой самъ описалъ часть своей жизни, въ предисловіи къ книгѣ, изданной подъ заглавіемъ: «Очерки Русской Литературы» (2 тома, 1839, СПб.). Тамъ говорить онъ о предкахъ нашихъ, Полевыхъ, старожилахъ Курска, о нашемъ, незабвенномъ для насъ, отцѣ, и наконецъ о самомъ себѣ, до 26 года своей жизни, когда, послѣ смерти отца, онъ сдѣлался старшимъ въ семействѣ и могъ располагать судьбою своею по собственному усмотрѣнію. Въ разсказѣ его, событія указаны истинныя; но онъ несправедливо представляетъ многія изъ нихъ, такъ что это даетъ совершенно превратное понятіе обо всемъ, слѣдовавшемъ затѣмъ поприщѣ его.

Онъ вѣрно изображаетъ отца нашего, представляя его человѣкомъ необыкновеннымъ, рѣдкимъ по возвышенности души и силѣ ума. Этотъ достойный памяти человѣкъ провелъ всю жизнь свою въ трудахъ, борясь съ тѣмъ, что называютъ люди несчастіемъ; но всегда находилъ время читать, мыслить, разсуждать о всѣхъ важныхъ для человѣка вопросахъ. Вездѣ и во всѣхъ положеніяхъ жизни, онъ жилъ больше умственною и нравственною дѣятельностью, и, можетъ быть, потому часто не имѣлъ удачи въ дѣятельности вѣщественной. Раю утромъ, послѣ обѣда, вечеромъ, въ постели ночью— онъ непремѣнно былъ съ книгой, и если что поражало его въ чтеніи, онъ начиналъ разсуждать объ этомъ и дѣлать свои выводы. Мыслящая сила у него была удивительная: онъ былъ недоволенъ системами астрономическими и физическими и создавалъ свои системы; онъ, зная превосходно Исторію, смѣялся надъ многими просла-

вляемыми сию подвигами, удивлялся героямъ Исторіи, благоговѣлъ передъ дѣйствіями Петра Великаго; онъ, безпрестанно наблюдая природу, любилъ давать себѣ отчетъ въ главныххъ законахъ ея и въ малѣйшихъ явленіяхъ (*).

(*) Думаю, что не безотчетно составилъ онъ себѣ систему въ чтеніи книгъ. Читая все новое, что появлялось въ его время, онъ любилъ даже романы, и, какъ самъ говаривалъ, иногда плакалъ за ними. Духъ Карамзина и Руссо отзывался въ немъ! Но преимущественно любилъ онъ чтеніе серьезное. Когда не было новой книги такого рода, онъ принимался перечитывать какое либо изъ своихъ любимыхъ сочиненій, къ числу которыхъ принадлежали: «Дѣянія Петра Великаго» и «Дополненія» къ нимъ, сочиненія Голикова (родственника отца моего и глубоко чтимаго имъ человѣка); «Всемирный Путешествователь», сочиненіе аббата деля Порта, переводъ Булгакова, 27 томовъ; «Путешествія капитана Кука», нѣсколько огромныхъ томовъ, и еще съ десятокъ подобныхъ книгъ, дѣйствительно хорошихъ, дѣльных, бывшихъ наравнѣ съ посвященіемъ своего времени, и составлявшихъ красу довольно большой бібліотеки моего отца. Но болѣе всѣхъ другихъ любилъ и уважалъ онъ—трудно угадать!—Discours sur l'Histoire universelle въ Русскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: «Іакова Бенigna Боссюэта Разговоръ о Всеобщей Исторіи. Съ Французскаго на Россійскій языкъ перевелъ Капитанъ Василей Наумовъ. Часть 1-я, печатана въ Москвѣ, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1761 году (114 стран. in-4); Часть 2-я печатана тамъ же, въ 1762 году, 182 стран., и ч. 3-я тамъ же, въ томъ же году, 86 стран.» Онъ ставилъ эту книгу выше всѣхъ другихъ историческихъ книгъ, удивлялся глубокомыслию Боссюэта, и жалѣлъ, что онъ не довелъ ея до позднѣйшаго времени. Узнавъ, что есть продолженіе ея, онъ, какъ сказывалъ, съ большимъ затрудненіемъ досталъ это продолженіе, переведенное тѣмъ же Наумовымъ и изданное подъ заглавіемъ «Продолженія Всеобщей Исторіи Г. Боссюэта», (2 огромные тома in-4, напечатанные въ С. Петербургѣ въ 1779-мъ и 1789 годахъ). На послѣднемъ томѣ сказано въ заглавіи: «Продолженіе Всеобщей Исторіи господина Іакова Бенigna Боссюэта, отъ 1688 по Іюль 1721 годы, учиненное господиномъ Крамеромъ, а съ Франц. языка переведенное Васильемъ Наумовымъ.»—Но отецъ мой былъ доволенъ этимъ продолженіемъ и по уважалъ его. Всѣ эти три старинные тома хранятся у меня, какъ драгоценный памятникъ любознательности моего отца. Въ послѣдніе годы жизни, къ любимымъ его книгамъ присоединилась «Исторія Государства Россійскаго», Карамзина. Библія была почти всегда настоящею его книгою.

Очень естественно, что съ такимъ человѣкомъ любили бесѣдовать всѣ, кто умѣлъ понимать его, особенно если прибавимъ къ этому, что онъ обладалъ въ высокой степени даромъ слова, увлекалъ живостью своего характера и откровенностью выраженія. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ вступивъ въ управленіе большими дѣлами въ Сибири, первоначально у своего дяди, извѣстнаго богача И. Ил. Голикова, онъ былъ въ сношеніяхъ со множествомъ замѣчательныхъ людей, и всегда умѣлъ составить себѣ избранный кружокъ, чуждаясь обыкновенныхъ посѣщеній, обѣдовъ, баловъ, и не понимая какое находятъ въ нихъ наслажденіе. Всѣ свободные часы его были посвящены чтенію, изученію природы, и—семейству. Разговоры и рассказы его были пріятны и поучительны, особливо для насъ, дѣтей его. Зная очень хорошо людей, разглядѣвъ вблизи даже много знаменитостей своего времени, онъ былъ нашимъ Менторомъ и въ этомъ отношеніи. Неумолимый въ оцѣнкѣ всего глупаго, ложнаго, вреднаго, онъ питалъ неограниченное уваженіе ко всему высокому, доброму, умному. И въ послѣдніе годы своей жизни вспоминалъ онъ съ благодарностью и уваженіемъ о нѣкоторыхъ лицахъ, причисляя знакомство съ ними къ счастливымъ случаямъ своей жизни. Въ числѣ такихъ знакомыхъ его были: митрополитъ Гавріилъ, знаменитый архипастырь Екатеринпина вѣка, всегда удостоивавшій отца нашего своимъ бесѣдами; два брата Бланкеннагели, извѣстные своими глубокими познаніями и наблюдательнымъ умомъ. Григорій Ивановичъ Шелиховъ, завоеватель Русской Америки, долго былъ непрі-

ителемъ, но къ концу жизни сдѣлался другомъ нашего отца. Эти люди и еще нѣкоторые, не столько извѣстные, были предметомъ особеннаго уваженія и всегдашнихъ воспоминаній его. Помню многіе рассказы его о нихъ, и не удивляюсь, что бесѣды съ такими людьми могли оставить въ немъ глубокія впечатлѣнія, потому что касались вопросовъ, какіе занимаютъ только высокихъ умомъ людей. Кромѣ того, всѣ замѣчательные люди, съ какими случалось отцу нашему встрѣчаться въ продолженіе дѣятельной его жизни, дѣлались искренними его пріятелями и почитателями. Въ доказательство могу указать на печатныя свидѣтельства. Въ книгѣ, изданной адмираломъ Шишковымъ, подъ заглавіемъ «Двукратное путешествіе въ Америку,» и сочиненной лейтенантомъ Давыдовымъ, неизмѣннымъ другомъ героя, пламеннаго П. А. Хвостова, встрѣчается нѣсколько упоминаній объ Алексѣѣ Евсевіевичѣ Полевомъ, съ которымъ были они въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ, служа на корабляхъ Американской Компаніи. Онъ былъ, можно сказать, основателемъ нынѣшней Россійско-Американской Компаніи, и писалъ всѣ первоначальные уставы ея. Не распространяюсь объ этомъ, боясь отклониться отъ главнаго моего предмета. Извѣстный многимъ въ Петербургѣ К. Т. Хлѣбниковъ (подъ конецъ жизни Директоръ Р. А. Компаніи), въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Сынѣ Отечества» (прежнемъ) говоритъ съ должнымъ уваженіемъ объ А. Е. Полевомъ, какъ о своемъ начальникѣ. Бывшій Генералъ-Губернаторъ Сибирскій, Борисъ Борисовичъ Леццано, любилъ отца нашего до такой сте-

пени, что когда, въ 1812-мъ году, отецъ нашъ прїѣхалъ въ Петербургъ, Лецано, уже давно жившій тамъ, не допустилъ его остановиться на квартирѣ, а поселилъ у себя въ домѣ. Такъ всѣ, чѣмъ либо замѣчательные люди, жившіе въ Иркутскѣ, или прїѣзжавшіе туда на нѣкоторое время, непременно дѣлались знакомыми и большею частію искренними прїятелями нашего отца. Во время посольства въ Китай, въ 1805 году, когда посольство Графъ Головкинъ долго оставался въ Иркутскѣ, почти всѣ чиновники, ѣхавшіе съ нимъ, безпрестанно бывали у насъ въ домѣ, и въ числѣ ихъ находился знаменитый Клапротъ, тогда извѣстный больше какъ сынъ славнаго химика. Отецъ нашъ заставилъ его производить разные опыты на своей фаянсовой фабрикѣ!.. Посольство въ Японію, Каммергеръ Рѣзановъ, былъ издавна прїятелемъ нашего отца, какъ зять друга его Шелихова.

Я могъ бы сказать еще многое въ подтвержденіе, что отецъ нашъ былъ не только человѣкъ необыкновенный умомъ и душою, но что онъ и жилъ въ кругу избранныхъ, образованныхъ людей, занимаясь большую часть своей жизни обширными торговыми и фабричными дѣлами. Онъ глядѣлъ на жизнь съ своей точки зрѣнія и не желалъ выйти изъ званія, въ которомъ родился, хотя имѣлъ много случаевъ къ тому въ продолженіе своей жизни. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, бывшии Министромъ Коммерціи, желалъ познакомиться съ человѣкомъ, хорошо знающимъ Сибирь. Ему указали на отца нашего, который жилъ тогда въ Петербургѣ (гдѣ бывалъ онъ

часто и иногда оставался долго). Графъ, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ нимъ, былъ до такой степени очарованъ его умомъ и свѣдѣнiями, что предложилъ ему остаться при своей особѣ, какъ Министръ Коммерціи, обѣщая блестящую будущность. Отецъ отказался, откровенно сознавшись, что больше дорожитъ семейнымъ счастьемъ нежели блестящимъ положенiемъ въ свѣтѣ. Графъ обнялъ его, поцѣловалъ и сказалъ: «Послѣ этого я уважаю васъ еще больше!» Разговоры его съ Графомъ Румянцевымъ были такъ интересны, что ихъ стоило бы внести въ Историческія Записки.

Не должны ли дѣти столько уважаемаго, необыкновеннаго, умнаго отца, благословляя память его, сознавать въ душѣ своей, что его разговорамъ, внушенiямъ, его обществу, словомъ: ему обязаны они всею своею любовью къ просвѣщенiю и образованности? Ему обязаны они развитiемъ душевныхъ силъ и умственныхъ способностей, и не его вина, что они не могутъ въ этомъ отношенiи сравнить себя съ нимъ! Да! много разъ повторилъ мы съ покойнымъ братомъ Николаемъ Алексѣвичемъ, что если бы можно было соединить всѣхъ насъ, дѣтей его, въ одно существо, то изъ всѣхъ насъ не вышло бы одного, равнаго отцу. Въ этомъ человѣкѣ было неизмѣримо много силъ всякаго рода.

Не понимаю, какъ могъ послѣ этого братъ мой представить воспитанiе свое какимъ-то хаосомъ, а себя самоучкой, которому не способствовали, а мѣшали учиться? Я изъяснилъ ему свое удивленiе объ этомъ, когда прочиталъ «Нѣсколько словъ отъ сочинителя», въ книгѣ:

«Очерки Русской Литературы». Онъ не отвѣчалъ, а только улыбнулся. Я хотѣлъ, чтобы онъ непремѣнно исправилъ это въ продолженіи своей біографіи; онъ обѣщалъ, хотя съ оговорками; и такъ прошло время до его смерти. Теперь я долженъ опровергать его! Опроверженіе будетъ состоять въ томъ, что я представлю въ истинномъ видѣ годы дѣтства его и юности.

Николай Алексѣевичъ Полевой родился въ Иркутскѣ, 22 Іюня 1796 года. Въ первое время своей жизни онъ былъ дитя слабое, и только нѣжныя заботы матери поддерживали его здоровье. Признакомъ слабаго сложенія почитали въ немъ и то, что послѣ молочныхъ зубовъ у него выросли и выпали вторые зубы, а потомъ выросли третьи. Послѣ этого необыкновеннаго явленія въ человѣческомъ организмѣ, онъ сталъ укрѣпляться здоровьемъ. Я началъ помнить его, когда онъ былъ уже нѣжнымъ, бѣлокуромъ мальчикомъ.

Мы жили тогда на *заимкѣ*, какъ называютъ въ Иркутскѣ загородные дома. Отецъ нашъ, во всемъ необыкновенный, не хотѣлъ жить въ городѣ, выбралъ удобное и прекрасное мѣсто вблизи его, и отмежевалъ себѣ тамъ обширное пространство, на которомъ въ нѣсколько лѣтъ вывелъ множество разныхъ строеній. Тутъ были у него и фабрики, и всѣ хозяйственныя заведенія, и прекрасный домъ, съ нѣсколькими отдѣльными жилыми помещеніями. Посреди луговъ и рощей, принадлежавшихъ ему, протекала довольно большая рѣка Ушаковка, впадающая въ Ангару и образующая раздвоеніемъ своимъ въ этомъ мѣстѣ островъ, который также принадлежалъ къ нашимъ